

**В продаже
появилась
книга
О ЖИЗНИ
и творчестве
артиста**

Воспоминания Николая ДОПИСЬИВАЛА

Светлана ХРУСТАЛЕВА

Вот оно, сбылось! В издательстве «Вагриус» вышла книга, которую мы особенно ждали, — «Авось!» Николая Караченцова.

Как это часто у меня бывает, начинаю листать книгу с конца и обнаруживаю, что последняя глава «Мы выстояли!» написана супругой Николая Караченцова — Людмилой Поргиной.

Читаю и... комок в горлу. Глава берет свой отсчет с 28 февраля 2005 года. С того самого дня, когда автомобиль Николая Караченцова врежется в бетонный столб.

Читаю, и события последних месяцев проносятся перед глазами. По дням. В ритме газетной строки.

«Склиф». Реанимация. Кома. Караченцов наконец открыл глаза. Впервые вышел в больничный коридор. Закурил...

О многом этом «Комсомолка»

уже писала. Потому что все эти дни старалась быть рядом с любимым артистом. Но здесь много интимных подробностей, которые могла знать только жена.

Тут же перезваниваю супруге Караченцова: — Людмила Андреевна, поздравляем с выходом книги!

— Спасибо. А я сама ее еще не видела. И Николай Петрович тоже.

— Вот это да... Значит, мы успели вперед?! Людмила Андреевна, скажите, трудно вам далась ваша глава?

— Я написала ее за один день. Журналист Виталий Мелик-Карамов, который помогал мужу в создании этой автобиографии, предложил мне написать что-то от себя. Я Колю спросила: «Как ты на это смотришь?» Он: «Ты — талантливая. Давай». Сам он эту главу даже в рукописи не видел. Как только книгу получим, я сразу ему и прочту...

Сегодня мы публикуем фрагменты из автобиографии Николая Караченцова «Авось!».

Свадьба Николая и Людмилы.

Мама и балет

Мамочка моя была балетмейстером. Когда я находился в юном и глупом возрасте, как поется в одной из моих песен, «туман глаза мне застилал». «Туман» этот назывался балетным искусством.

...Мама много ездила, редко меня воспитывала, чаще этим занималась улица. Маму я любил патологически.

...Я рос с пониманием: даже если мамы нет, надо убирать дом. Но как себя заставить? Я брал пепельницу и вываливал ее на пол, понимая, что приду вечером и мне будет стыдно на эту грязь смотреть. Так я себя заставлял, чтобы в квартире все было вылизано. Молодой парень и живет один: когда хочу, тогда приду, когда хочу, тогда встану... Когда хочу, встану — не получалось, я обязан был по утрам ездить в школу-студию МХАТ. Но тем не менее я существовал совершенно без всякого контроля. И все же прилично учился.

Папа

Тут трудная история. Папа с мамой разошлись еще до моего рождения, но мы с отцом много общались.

Родители как-то очень интеллигентно развелись. Без выяснения отношений. Папа к нам приходил, мама легко меня отпускала к нему. Я прекрасно знал свою бабушку, папину маму, знал всех папиных сестер.

Папа прожил большую жизнь — девяносто лет. Общение у меня с отцом было вполне родственное — вплоть до его смерти.

Моя жена

Я познакомился с Людой уже в театре. Она младше меня на пять лет, училась,

как и я, в школе-студии, но у Массальского и Тарасовой.

...Люду взяли в «Ленком». И почти сразу же в «Ленком» пришел Марк Анатольевич Захаров утвердили главным режиссером, а Люда ввелась в спектакль «Музыка на одиннадцатом этаже» в постановке Владимира Багратовича Монахова, где я играл главную роль.

На «Одиннадцатом этаже» и начался наш роман, который длился довольно долго и в конце концов первого августа 1975 года завершился бракосочетанием. А спустя три года, уже в 1978-м, 24 февраля родился Андрей Николаевич, который является нашим отпрыском. С той поры и до Андрюшкиной женитьбы мы жили вместе.

...Раз уж я не рассказал о нашей с Людой красивой истории любви, могу взамен только вспомнить, что до свадьбы мы с ней отправились в тот же «Актер» (санаторий). — Прим. авт.) Но ее не пускали в мою палату, так в этом санатории называли обычную комнату. Уборщицы санитаркам, а те врачам жаловались, что у актера Караченцова постоянно ночует посторонняя женщина. Теперь они себя считают чуть ли не нашими крестными, мол, они с самого начала так полюбили и Люду, и меня, что теперь ждут нас с самой зимой.

Женились мы без помпы, регистрировали брак не в знаменитом Дворце в Грибовском переулке, а на Ленинском проспекте — в обычном загсе. И свадьба была скромная — не в ресторане, а дома. Пришли мои друзья и Людкины подруги, ее родители и моя мама. Вот и все гости.

Во время одной из поездок по миру.

С папой и двоюродным братом Игорем (слева).

Семья

У меня уже никого из родителей не осталось, у Люды отца нет, но жива мама (Караченцов попал в аварию в ту ночь, когда умерла мама Поргиной). — Прим. авт.), есть младшая сестра, муж сестры, они постоянно с нами. Я рад, что так сложилось. Сестра моей жены Ира в свое время блестяще окончила Менделеевский институт, ее берут после диплома в министерство. Вскоре министерство разгоняют, точнее — сокращают штаты. Никто ее не терроризирует, на улице не толкает, уходит сама. Поступает на курсы французского языка. Где он ей пригодится, этот язык? Но ей важно его изучить. Потом вдруг увлекается бальными танцами. Зачем? Неизвестно, но ей это важно. Потом — чуть ли не на курсы кройки и шитья. Появляется в ее жизни молодой человек, Андрей Кузнецов. Неординарная личность. Однако не все в их жизни складывается замечательно, прежде всего из-за социальных условий, во всяком случае не складывается так, как им хотелось бы. Зато растет чудная дочка Наденька, она в честь бабушки названа.

Сейчас Наденька в ГИТИСе, на факультете директоров, или, как сейчас принято говорить, продюсеров.

Надежда Степановна, мама Люды, по-простому теща, уверяет меня в том, что я — ее единственная радость, благо-

даря мне ей есть с кем иногда поговорить. Бывает, летом на даче все уже спят, а мы с ней сидим до первого рассвета, жизнь обсуждаем. Она помнит все свои радости и горести. «Колясик, дорогой...» Может признаться, что «иногда я думаю, что тебя люблю больше, чем Людочку». Для того чтобы получить такое признание, надо с тещей нечасто видеться. Это мой рецепт. Я думаю, что Люда от матери получила такой моторчик внутри. Если бы Люда выросла другой, мы бы до сих пор жили на Юго-Западе в маленькой квартире.

Людмила Поргина: «Мы выстояли!» Не эпилог

В тот роковой день, в ночь на 28 февраля 2005 года, я навсегда закрыла глаза своей маме... О том, что мама умирала, я знала: два года назад ей поставлен диагноз — рак желудка. Мы ей об этом не говорили и как могли скрашивали жизнь.

...Еще вечером 27-го я была на даче: выбралась буквально на час — поздравить сына с днем рождения. Посидели недолго, символически чокнулись — все же за рулем — за Андрюшино здоровье. И я снова заторопилась к маме: «Колечка, мне пора ехать». — А он: «Девонька, ну, пожалуйста, поедem в нашу квартиру, побудь дома со мной». — «Нет,

140706

Караченцов Николай

122

Караченцова ЕГО ЖЕНА

Коленька, не могу. У нас с тобой целая жизнь впереди, а у мамы считанные минуты». - «Ну хорошо, давай и я с тобой поеду». - «Чем тебе это? - стала ужасаться я его. - Это так тяжело. Не надо. Я же все равно не сплю ночи, все время сижу рядом с мамой. Если что случится, позвоню тебе».

...И тут вдруг звонит телефон Нади, моей племянницы, и я слышу ее крик: «Что?! Что?! Авария?! Где вы?!» Хватаю трубку, ору: «Андрей, что?!» Он бормочет: «Я ничего не помню. Коля плохо. Он в крови». И слышу голос, видимо, шофера: «В 31-ю больницу». Я соображаю, что это в пяти минутах езды от меня. Сестра рыдает, племянница рыдает, я говорю: «Всем успокоиться». Ирина, ты отвечаешь за маму. Сейчас приедет катафалк, и ты ее отправишь. А мы с Надей едем туда».

Приезжаем в больницу, я спрашиваю: «Куда отвезли Караченцова?» И вижу каталку, которую уже вывозят, а на ней разрезанную одежду Коли, джинсы, свитер, ботинки - все в крови. Слышу слова врача: «У него черепно-мозговая травма». И по тому, как повели себя медсестры, а они сказали: «Пойдемте, мы вам дадим чаю, отдохните...» - я понимаю, что дело очень плохо...

Первой Колю увидела бригада «Скорой помощи» - совершенно случайная машина, которая возвращалась в свою больницу. Увидев перевернутый автомобиль, они бросились вытаскивать пассажиров и сразу же, еще в дороге, стали оказывать первую помощь. Колю они не узнали - он же был весь в крови. Колино имя выяснили только по железнодорожному билету, который оказался у него в кармане. Врач поднял на ноги всех специалистов... Потом я увидела этого врача - Петра Ефименко. Удивительной красоты парень, и такое в его лице благородство... Помню, сказала ему: «Спасибо вам за то, что вы спасли моего мужа...»

...Возвращение Коли было долгим, он приходил в себя постепенно, буквально вытягивался ОТТУДА. Не только врачи тянули его, не только я - любовью и молитвами, - но и сам он силой своей воли поднимал себя. Первые заметные для меня изменения в Коле появи-

лись на 25-й день - он чуть-чуть зашевелился и приоткрыл глаза. ...Коля на самом деле необыкновенный мужчина с необыкновенной душой. Помогал всем - квартиры людям устраивал, телефоны устанавливал, кого-то в больницу укладывал, какие-то деньги кому-то отсылал... Он играл разные роли, не похожие друг на друга, но всегда это были люди с удивительной энергетикой и с удивительно добрыми

одного его не оставляли ни на минуту и никуда не выпускали. Оказывается, нередки случаи, когда больные в подобных ситуациях от страха перед беспомощностью пытаются совершить суицид. У Коли этого не произошло.

...Коля в тот день, 1 мая, - минус двадцать семь килограммов от обычного веса, отек лица, рука отекая, простатит, писается через каждую минуту, зуд по всему телу,

важно восставший из мертвых, нашел в себе силы сделать то, на что здоровые люди не могут найти в себе силы».

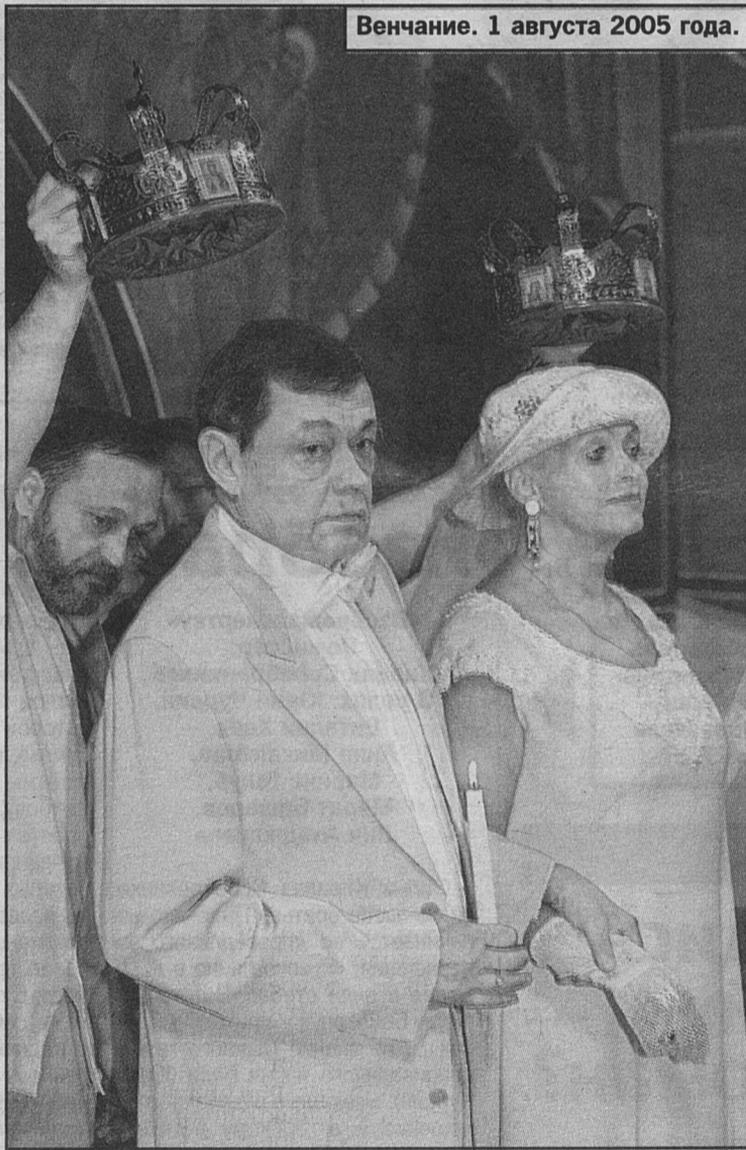
...В ноябре у меня был день рождения. Первый день рождения, когда Коля не смог меня поздравить за многие годы нашей совместной жизни. Сколько цветов он обычно таскал, прятал всегда где-то подарки! Я просыпалась, вся заваленная цветами. Я целовала его, обнимала, потом шла звонить маме, благода-

ритель за то, что она подарила мне жизнь. Я встала: нет цветов, а Коля спит. Я побежала маме звонить, и мамы нет. Я села - сижу и плачу. Думаю, Господи, дай мне силы. Я сразу стала молитву читать. Потому что именно сейчас, после долгих лет нашей жизни, мне так не хватает, чтобы он сел спокойно рядом, положив свою руку на мою, и сказал: «Девонька, да все это такая ерунда. Ты же знаешь, нам чем хуже, тем лучше. Да я сейчас пойду, скажу кому надо и все сделаю». Нет теперь у меня этого, год живу, как моя стена рухнула. А он у меня, как маленький ребенок на руках. Для меня не это тяжело, мне просто не хватает Колиного плеча, потому что именно за эту внутреннюю силу я когда-то его полюбила, сразу, как увидела.

...После второй операции я дежурила, не спала всю ночь на своей второй раскладушке - первую я сломала. ...Он пошел в туалет, и я слышу, что он падает, слышу этот жуткий стук тела. В тот же момент я резко вскакиваю, полотно прорывается, я проваливаюсь ногами вверх. Наконец я вылезла из-под раскладушки, рванула в ванную и вижу: он лежит около унитаза, глаза закрыты: «Где я?» Я пытаюсь его поднять. Открываю ему глаз, другой рукой тяну его. Это и смешно, и ужасно. Я кричу: «Голова?», а он мне: «Я не головой, я ж... ударился».

...Для Коли есть понятие «семья» и нет ничего дороже - ни слава, ни успех. Я иногда спрашивала: «А ты мог бы бросить из-за нас театр? Из-за нас с тобой, из-за меня?» Он отвечал: «Конечно». - «А если я уйду из театра?» - «Я тоже уйду с тобой».

Фото Анатолия ЖДАНОВА и из книги «Авось!».

Венчание. 1 августа 2005 года.

Последняя глава, рассказанная Людмилой Поргиной, станет сюрпризом для актера

чувствами. В нем есть сила, надежность, достоинство. Он с огромным уважением относится к женщинам. Даже сейчас, в клинике, всегда первым откроет дверь, всем логопедом поцелует ручки.

Когда Коля осознал, что болен, что у него тяжелая травма? Когда уже перешел из реанимации в палату, посмотрел на себя в зеркало и увидел в голове буквально выемку. Пощупал себя со всех сторон и сильно задумался. Нам тогда врачи даже сказали, чтобы мы забили балкон, ножи-вилки все убрали,

аллергия жуткая. И 1 мая, отстояв всю долгую пасхальную службу, я сказала: «Господи, помоги, чтобы 1 августа мы могли обвенчаться». И вот чудо свершилось - мы обвенчались. Для меня это действительно было чудом. Потом мне один журналист сказал: «Вас считают дурой и идиоткой после того, как ваше с Караченцовым венчание показали по телевизору». А я говорю: «А вы знаете, это моя жизнь! И я ее нисколько не стесняюсь. Да, мой муж не совсем здоров. Но он человек, бук-